

Рвение

Цюй Юньме прожил на свете двадцать четыре года, и это был первый случай, когда женщина столь бесцеремонно заключила его в объятия. Впрочем, слово «объятия» здесь не совсем подходило: Чэнь Шэюй была мала ростом, а с годами и вовсе словно усохла. Теперь она едва доставала Великому вану до груди, так что со стороны казалось, будто это он бережно прижимает её к себе.

Чжэньбэй-ван широко раскрыл глаза; впервые в жизни в его взоре читалась негласная мольба о помощи.

Сяо Жун, прежде не на шутку встревоженный, теперь едва сдерживал улыбку. Он поспешно подошел к старушке и, стараясь придать голосу как можно больше жизнерадостности, произнес:

— Бабушка, Жун-эр — это я.

Остальные, кроме Сяо И, застыли в оцепенении, едва не лишившись чувств от страха. Лишь услышав голос юноши, они опомнились и наперебой затараторили:

— Верно, верно! Вот ваш внук!

Чэнь Шэюй слегка ослабила хватку, но всё еще цеплялась за рукав Цюй Юньме. Сначала она окинула взглядом окаменевшее лицо Великого вана, а затем с сомнением посмотрела на Сяо Жуна:

— Тебя тоже зовут Жун-эр?

Юноша беспомощно вздохнул:

— Бабушка, больше никого так не зовут. Только я — ваш Жун-эр.

Сяо И не ведал, кто такой этот статный воин, но чуял — человек он опасный и задирать его не стоит. Подавив робость, мальчик тоже принялся тянуть бабушку за руку, указывая на брата:

— Бабушка, да посмотри же! Вот твой старший брат!

Старая госпожа окончательно запуталась:

— Но этот... он же точь-в-точь как твой дед в молодости...

Сяо И:

«...»

«Да вы совсем всё позабыли! Дедушка, когда был жив, был ростом едва ли выше вас!»

После долгих уговоров и суматохи Чэнь Шэюй наконец осознала свою ошибку. Этот статный человек, которого она поначалу побоялась признать, и был её внуком. Весь путь до покоев она не сводила с него глаз, отчего Сяо Жун чувствовал себя крайне неловко. Лишь когда они переступили порог резиденции, старушка прошептала Сяо И слова, заставившие того наконец выдохнуть:

— Вспомнила! Твой брат пошел породой в твою тетку.

Мальчик с готовностью закивал:

— Вот и славно, бабушка, наконец-то вы признали его.

Про себя же он подумал:

«Боги, да что же вы несете? У вас отродясь были одни сыновья, откуда взяться тетке?..»

Смирившись с тем, что её внук теперь выглядит именно так, Чэнь Шэюй заметно повеселела. Она то и дело ласково касалась его лица, сокрушаясь о том, как он исхудал. Сяо Жун лишь виновато улыбался. Когда они миновали первую крытую галерею, навстречу им вышел Гао Сюньчжи.

Среди всей их компании канцлер Гао лучше всех умел ладить с людьми любого возраста и звания. Он заранее выбрал небольшой уютный дворик, который прежде служил покоями наследника хоу. Место было просторным, с множеством комнат и удобным расположением. Двор делился на переднюю и заднюю части, что гарантировало покой старой госпоже — суэта слуг и посетителей не должна была её тревожить. Гао Сюньчжи спросил Сяо Жуна, по душе ли ему это место, и, получив согласие, повел всех внутрь.

Юноше тоже следовало бы войти, но он ощутил внезапную душевную усталость. Он остановился у искусственной горки, чтобы перевести дух. Глубоко выдохнув, Сяо Жун внезапно заметил Цюй Юньме, который стоял по другую сторону камней и пристально наблюдал за ним.

Сяо Жун:

«...»

На лице Великого вана застыло странное выражение, смысл которого было трудно уловить. Сяо Жун, чувствуя нарастающую неловкость, попытался завязать разговор:

— Вот вы и познакомились с моей бабушкой. Прошу Великого вана в будущем быть к ней снисходительным.

Цюй Юньме иронично вскинул бровь:

— Неужто ты считаешь меня столь неразумным?

Юноша тихо хмыкнул, но вслух ничего не сказал. Он отвел взгляд, залюбовавшись водопадом, что сбегал по камням... Надо же, здесь даже водопад устроили. Неудивительно, что беженцы, врываясь в особняки знати, первым делом вырезали всех хозяев. Жизнь этих людей и простых смертных — небо и земля.

Почувствовав, что силы возвращаются, Сяо Жун выпрямился, собираясь догнать Гао Сюньчжи. Заметив, что Цюй Юньме всё еще здесь и продолжает сверлить его взглядом, юноша не выдержал:

— Отчего Великий ван так на меня смотрит?

Тот лишь тонко улыбнулся:

— Подумать только, и у тебя бывают минуты страха.

Сяо Жун:

«...»

Видя изумление в глазах собеседника, Великий ван заметно приободрился. Не дожидаясь новых вопросов, он резко развернулся и ушел, но даже со спины было видно, что уголки его губ победно приподняты.

Сяо Жун недовольно посмотрел ему вслед, на сей раз хмыкнув вполне отчетливо, и лишь после этого вошел в дом.

Несмотря на то что из женщин здесь была лишь одна старушка, приличия требовали осторожности. Гао Сюньчжи, распорядившись о еде и велев в случае нужды сразу звать его, откланялся. Чжан Бечжи, который и привез Сяо И с бабушкой, зашел вместе со всеми, но в

суматохе его никто не заметил. Лишь когда канцлер со стражей ушли и в комнатах стало просторнее, Сяо Жун обнаружил в дверях незнакомца.

Тот одарил его на редкость обиженным взглядом. Мужчина открыл было рот, желая что-то сказать, но, увидев, как Чэнь Шэюй восторженно ощупывает шелковые простыни, лишь обреченно вздохнул.

«Ладно, не буду навлекать на себя лишних бед».

Он уныло сложил руки в приветствии и, понурив голову, вышел прочь.

Сяо Жун:

«Это еще кто такой?»

Когда все разошлись, в спальне старой госпожи остались лишь четверо. Чэнь Шэюй, словно юная дева, с восторгом озиралась по сторонам — эти покои напоминали ей её девичью комнату. Когда она выходила замуж, род её супруга еще не знал опалы, и она была настоящей благородной дамой. Но спустя пару лет всё рухнуло, и с тех пор она не знала ни дня покоя.

Теперь же, вновь коснувшись изысканных тканей и видя вокруг себя не одну лишь латаную-перелатаную мебель, она сияла от счастья. Одного созерцания этих богатств ей хватило бы на много дней вперед.

С другой стороны, Сяо И преданно смотрел на старшего брата. Юноша на миг задумался, а затем велел А Шу:

— А Шу, побудь здесь с бабушкой. Мне нужно поговорить с И-эр.

Тот с готовностью отозвался. С тех пор как слуга вновь увидел господина, его лицо не покидала улыбка. Сяо Жун и не подозревал, что А Шу может быть таким веселым. Когда-то Сяо И приставил его к Сяо Жуну, и тот повиновался без тени сомнения. Юноша и помыслить не мог, что А Шу шел в стан Армии Чжэньбэй как на верную смерть — он был готов к тому, что никогда не вернется и не увидит близких снова.

Оставив двоих счастливцев в спальне, Сяо Жун увел Сяо И в свои покои.

Инспектор Чэньлю съезжал под пристальным надзором суровых воинов, а потому не посмел забрать всё ценное. Впрочем, решив, что солдафоны всё равно не смыслят в искусстве, он оставил тяжелую, громоздкую мебель, а все мелкие изящные вещицы и фарфор прибрал к рукам.

Впрочем, и мебель, и украшения принадлежали вовсе не инспектору, а покойному хоу, что скончался еще раньше императора Тайнина. К казенному имуществу никто не смел притронуться; резиденция должна была отойти вану Чэньлю, но император так и не утвердил назначение, и дом стоял, зарастая пылью. Лишь после кончины государя в пятом году эры Тайнин, когда Поднебесную охватило пламя мятежей, резиденцию захватили сильные мира сего. За двадцать лет хозяева менялись не раз, пока дом не достался Цюй Юньме.

Удивительно, что после всех потрясений здесь сохранилось столько добра. Вот она — жизнь князей и вельмож, о которой грезил каждый.

На фоне этого великолепия быт Чжэньбэй-вана казался почти нищенским. Сяо Жун и раньше знал об этом, но лишь теперь осознал всю глубину этой пропасти.

Резиденция хоу уступала размером дворцу в округе Яньмэнь, но в ней насчитывалось сто десять комнат и целых восемь залов для приемов, расположенных в отдалении друг от друга. Повсюду высились беседки и павильоны, зеленели искусственные холмы, зеркалами блестели пруды. В те времена такие холмы возводили не из причудливых камней озера Тайху, как станет модно позже, а насыпали вручную из земли, обсаживали зеленью и украшали лестницами, ведущими к изящным павильонам на вершине.

Что и говорить о мостах «девяти изгибов» над водой и длинных галереях с резными экранами, в которых было устроено шесть дверей, ведущих в разные концы сада.

Сяо Жун не знал, не нарушает ли такое великолепие установленные нормы, но если и нарушало — он был готов это принять. Если же нет... то сколько же золота придется потратить в будущем на возведение настоящего дворца, если даже дом простого хоу требовал таких затрат?

В ту эпоху цветы сливы, орхидеи, хризантемы и бамбук еще не стали «четырьмя благородными мужами», но страсть к созерцанию растений уже вошла в обычай. Смутное время, начавшееся сто семьдесят лет назад, принесло не только хаос, но и небывалый расцвет культуры, пробудив интерес к самой сути человеческой души. Расцветала поэзия, появлялись бессмертные шедевры, а пристрастия великих книжников диктовали моду целым поколениям. Прежде ценились лишь знатность и чины, ныне же превыше всего ставились слава и утонченность.

На первый взгляд это казалось пустяком, но на деле жизнь обросла бесчисленными правилами, которые надлежало свято блюсти. Правители устанавливали законы: скажем, лишь императору дозволялось жить в покоях с девятью входами, дабы отделить священную кровь от знати. Книжники же, возвысившись, добавили свои требования, отделяя мужей просвещенных от невежд. Если ты зовешься литератором, в твоём саду обязан расти бамбук. Нет бамбука — значит, ты мужлан, не знающий грамоты, и дела с тобой иметь не стоит.

Даже украшения в доме — что именно стоит на полках и как оно расставлено — служили мерилем художественного вкуса. Когда все вокруг следует правилам, ты не можешь идти

наперекор. Ни Цюй Юньме, ни Сяо Жун еще не обладали такой славой, чтобы за ними шли вопреки всем обычаям. Сплоченность книжного сословия была невероятной: если ты не один из них, даже не надейся предложить что-то новое или изменить их уклад.

Принцип Сяо Жуна был прост: пока ты не в силах одолеть врага — примкни к нему. Проникнуть в стан противника и разрушить его изнутри — верный путь к победе.

Миновав узкий проход, он вошел в свои покои. Юноша бегло осмотрел убранство комнаты и лишь затем обернулся к Сяо И, которого не видел долгое время.

Мальчику исполнилось четырнадцать. Он был ровесником А Шу, но младше его на три месяца, да и ростом пониже — всего шесть чи и шесть цуней.

Что до его облика, Сяо Жун затруднялся подобрать слова. В Сяо И с первого взгляда угадывался истинный книжник. Несмотря на бедность, в его осанке сквозило благородство просвещенного мужа. Когда он молчал, от него исходила некая природная отстраненность, словно он стоял выше мирской суеты. Несмотря на юные годы, подросток производил впечатление человека, посвятившего учению всю жизнь, и это заставляло окружающих невольно признавать его превосходство и относиться к нему с почтением.

Сяо Жун позже поймет, увидев больше именитых родов: такова печать истинной аристократии. Десятки поколений, возвращенных в культуру знаний, меняли даже черты лица своих потомков. Разумеется, за внешней благопристойностью могла скрываться любая душа — не все были так чисты сердцем, как этот ребенок. Встречались и те, кто за кротким ликом прятал черное коварство.

Странное дело: весь путь до Чэньлю юноша волновался, вспоминая о младшем брате. Но теперь, оказавшись с ним с глазу на глаз, он почувствовал небывалую легкость.

— Были ли у вас трудности в эти месяцы? Кто-нибудь досаждал вам? — спросил он.

Сяо И покачал головой:

— Нет. Я не искал ссор, и меня никто не трогал. А-а-асюн... — На этом слове он запнулся.

Сяо Жун на миг замолчал, а затем мягко перебил его:

— Отныне зови меня старшим братом.

Обращение «А-сюн» обычно использовали для родных братьев, в то время как «старший брат» подходило для названных братьев или членов большого клана. Впрочем, в живой речи их часто путали, и никто не ставил это в вину.

У Сяо И защипало в носу. Он понял, что хотел сказать собеседник: родной брат остается родным, а названный — названным. Принимая Сяо Жуна как старшего, он не обязан был предавать забвению память о том, кто ушел восемь лет назад.

Мальчик шмыгнул носом, и на его щеках проступили ямочки:

— Хорошо, старший брат. Твое здоровье поправилось? А Шу сказывал, ты кровью харкал...

Сяо Жун:

«...»

«Ну вот, опять об этом».

Он небрежно махнул рукой:

— Пустяки, минутная слабость. Я лучше других знаю свое тело. Окружающие любят поднимать шум по любому поводу, на деле же со мной всё в порядке.

Сяо И:

«...»

Он не слишком поверил, но Сяо Жун и впрямь был человеком необычайным. Мальчик втайне гадал: а не ученик ли он некоего великого отшельника, что спустился с гор спасти мир в лихую годину? А может... тот наставник и вовсе был бессмертным небожителем?

От этих мыслей Сяо И уставился на старшего брата с таким благоговением и восторгом, что тому стало не по себе.

Мальчик опомнился, и его лицо мгновенно залило краской. Он снова начал заикаться:

— С-старший брат, я исполнил твое поручение. Когда мы добрались до города Лиян, тамошние книжники уже всю толковали об этом.

Юноша вскинул бровь. Лиян лежал всего в сотне ли от Цзиньлина. Если вести дошли туда, значит, в столице Юга уже всю кипят страсти.

Представив переполох при дворе Южной Юн, Сяо Жун усмехнулся и похвалил мальчика:

— Ты отлично справился. Я доверил это тебе, потому что верил в твои силы.

Сяо И, смущенный похвалой, низко опустил голову. Сяо Жун же решил ковать железо, пока горячо:

— Полагаю, за это время ты не забросил учения. «Собрание тысячи книжников» должно завершиться до того, как Великий ван выступит в поход. Когда состязание начнется, не желаешь ли и ты принять в нем участие?

Мальчик оторопел и замахал руками:

— Но это же великое событие для всего литературного мира! Я прочел слишком мало книг, как я могу позорить клан Сяо и тебя, старший брат?!

Сяо Жун:

«...»

«Твой провал — лишь плод твоего невежества, при чем тут мой позор?»

Помолчав, он произнес:

— Именно потому, что это великое событие, ты обязан там быть. Чжэньбэй-ван — устроитель, я — вдохновитель, а канцлер Гао будет председательствовать и предлагать темы. Мы дадим книжникам Юга блеснуть, но не позволим им забрать всю славу себе. К тому же без поражений не бывает побед. Если под началом Великого вана не найдется ни одного достойного мужа и южане будут состязаться лишь между собой — какой в этом прок? Пусть тогда возвращаются восвояси и спорят там. И-эр, знаешь ли ты, что такое «упаковка»? Пусть среди нас нет гения, мы обязаны его создать. Того, при мысли о ком южане будут скрежетать зубами от зависти и злости. Того, ради спора с кем они не захотят уезжать, желая ежедневно являть ему свое красноречие.

Сяо И:

«...»

На его лице отразился неподдельный ужас:

— Но, старший брат, я ведь вовсе не гений!

Сяо Жун рассмеялся:

— Сейчас — нет, но ты притворишься им. А пока — учись, читай день и ночь, старайся стать тем самым мудрецом как можно скорее. В хранилищах Великого вана полно книг и свитков, собранных из разных земель. Я уже договорился: ты можешь читать что пожелаешь. Постигни их мудрость — и ты превзойдешь девять десятых книжников Поднебесной. Об оставшейся десятой не печалься — ты мой брат, и я не дам тебя в обиду.

Подросток в недоумении уставился на него:

— Ты хочешь сказать...

Юноша тонко улыбнулся:

— Состязание начнется лишь в конце шестого месяца, у нас есть еще полтора месяца. Я открою тебе все три темы заранее, и за это время ты подготовишь ответы, которые меня удовлетворят.

Мальчик лишился дара речи:

— Старший брат велит мне жульничать?!

Сяо Жун:

«...»

Он недовольно возразил:

— Это не жульничество. Жульничество — это когда ты обманом захватываешь первенство и награды. Но мы оба знаем: ты еще юн, и знаний в твоей голове небогато. Даже за год ты не напишешь труда, достойного венца победителя. Десяти тысяч золотых тебе не видать. Скажу честно: я даже не надеюсь, что ты попадешь в десятку лучших.

Сяо И:

«...»

От такой прямоты у него кошки заскребли на душе.

Старший брат продолжал:

— Я прошу тебя об этом, дабы ты послужил «яшмой, выманивающей жемчуг». Твоя юность сгладит несовершенство слога, люди будут к тебе снисходительны. И когда они увидят

четырнадцатилетнего отрока, способного на такие рассуждения, те, кто кичится своим талантом, не смогут усидеть на месте. Так мы пробудим в них рвение и создадим тебе имя. Ты ведь мечтал о великом наставнике? После состязания он у тебя появится.

Сяо И в нерешительности замер:

— Но... это ведь будут не мои истинные заслуги...

Сяо Жун вскинул бровь:

— Отчего же? Пусть ты потратишь больше времени, но каждое слово в твоём труде будет написано тобой, и никто не станет водить твоей рукой. Тебе кажется это несправедливым? Но само состязание — вещь далекая от справедливости. Ты ведь знаешь, какая пропасть лежит между знаниями отпрыска знатного рода и бедняка. Пусть тему они узнают в один миг, но неравенство заложено в них с самого рождения. Знай: это собрание нужно не только для привлечения талантов, но и для отбора тех, кто по-настоящему предан делу. Те, кого признает толпа, не всегда найдут признание у Великого вана. Тот, кто громче всех кричит на площади, не обязательно уйдет дальше всех.

Помолчав, он взглянул на растерянного мальчика и тихо вздохнул:

— И-эр, это состязание затеяно не ради тебя, а ради того, чтобы дать многим достойным шанс проявить себя. Если твой труд вызовет бурю восторгов и заставит тысячи людей вступить в спор, ты окажешь им неоценимую услугу. Они не верят Великому вану, они не видят возможности, что плывет им в руки. Сколько раз за жизнь выпадает шанс так круто изменить судьбу? Неужто тебе не больно смотреть, как они проходят мимо своего счастья?

Сяо И словно громом поразило. Он замер, а затем на его лице отразилось глубокое осознание. Он посмотрел на Сяо Жуну просветленным взглядом:

— Старший брат прав! Я был слеп и думал лишь о себе. Я не подведу тебя!

Юноша смахнул невидимую слезу умиления:

— Добрый мальчик. Иди, читай книги.

Сяо И:

— Слушаюсь!

С этими словами он умчался прочь, явно сгорая от нетерпения погрузиться в пучину знаний.

Сяо Жун сложил руки на груди, с удовлетворением глядя на дверь. «Всё-таки хорошо, что мой названный братец здесь. Надо же, какой доверчивый ребенок». Сяо И и не заметил, что Сяо Жун вовсе не оправдывался — он просто парой слов сместил акцент на благородную цель, и мальчик с радостью заглотил наживку.

Настроение улучшилось, и юноша захотел испить чаю, но обнаружил, что в комнате нет даже чайника. Вздохнув, он вспомнил, что его вещи еще не внесли в дом, и отправился на поиски своих узлов.

***

Жилище стало просторнее, людей прибавилось, а с ними — и забот. К счастью, при Сяо Жуне оставалось несколько гвардейцев, которые порой исполняли обязанности слуг.

Разобрав вещи, юноша немного вздремнул, пообедал, а когда стусились сумерки, все собрались на совет.

Дела «Собрания книжников» могли подождать — они еще не встречались с местными богатеями и старейшинами, а без них затевать такое бессмысленно. Ныне же обсуждали первые шаги в городе. Все сидели вместе, наперебой предлагая идеи; людей было немного, так что церемониями можно было пренебречь.

Когда Гао Сюньчжи закончил, Сяо Жун подал голос:

— Великий ван, чем будет занято войско, что стоит лагерем за стенами?

Цюй Юньме на миг задумался:

— Обустройством лагеря, а затем — ежедневными учениями.

Юноша кивнул:

— Можем ли мы выделить пять тысяч воинов для иного дела?

Все присутствующие уставились на него. Цюй Юньме в недоумении спросил:

— На кого ты собрался напасть?

Сяо Жун:

«...»

«Неужто в твоей голове солдаты нужны только для того, чтобы кого-то бить?! Попробуй хоть раз подумать о чем-то мирном, солдафон ты этакий!»

подавив желание выругаться, юноша расплылся в лучезарной улыбке:

— Ни на кого. Наше появление всё же встревожило горожан. Я предлагаю выделить несколько тысяч человек, дабы они послужили народу: подлатали крыши, вырыли колодцы для удобства людей, да хотя бы помогли собрать урожай с полей. Только собрать! Упаси бог тронуть чужое добро!

Цюй Юньме:

— ...Ну, это я понимаю!

Канцлер Гао первым оценил задумку и хлопнул себя по колену:

— Блестяще! Пока другие армии притесняют народ, наша — не только хранит покой, но и тяготы делит. Вот только... воины могут возроптать.

Сяо Жун усмехнулся:

— Потому и нужно отобрать самых покладистых. Пусть молча делают дело, не вступая в долгие споры с жителями. К тому же, спустя пару дней они сами поймут свою выгоду. Глядишь, еще и в очередь выстроятся за работой.

Юноша улыбался, точно лис, но остальные лишь недоуменно переглядывались. Тяжелый труд — он и есть труд, с чего бы воинам за него драться?

Юй Шаосе, кажется, начал о чем-то догадываться, но не успел спросить — в зал ворвался гвардеец.

— Великий ван! Господа! У городских ворот объявился всадник. Называет себя инспектором Цзяньнина, Хуан Яньцзюном. Говорит, что прибыл по зову Великого вана!

В зале воцарилась тишина. Все слышали о том, что Хуан Яньцзюн должен приехать, и знали — это была затея Сяо Жун.

Все взгляды обратились к нему, но юноша и сам был не на шутку удивлен. Он и помыслить не мог, что Хуан Яньцзюн явится так скоро... Такое рвение? Быть не может.

<http://bllate.org/book/15355/1422525>